U 318/67

И 318/67

ТАКТИКА СУВОРОВА

(рѣчь, произнесенная 23 Ноября 1899 г. въ торжественномъ засѣданіи конференціи Академіи Генеральнаго Штаба).

СОСТАВИЛЪ
ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА
ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Н. А. ОРЛОВЪ.

ЦѢНА 50 КОП.

ВАРШАВА.
Типографія Окружнаго Штаба.
1900.

И 318/67
55.42
.66

ТАКТИКА СУВОРОВА

(рѣчь, произнесенная 23 Ноября 1899 г. въ торжественномъ засѣданіи конференціи Академіи Генеральнаго Штаба).

СОСТАВИЛЪ
ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА
ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Н. А. ОРЛОВЪ.

БИБЛІОТЕКА ... ГАШЕНО

ЦѢНА 50 КОП.

ВАРШАВА.
Типографія Окружнаго Штаба.
1900.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
23939-45

2007111436

Тактика Суворова.

Военное искусство Суворова далеко опередило его вѣкъ, и тѣ особенности, которыя обыкновенно считаются выработанными французами во время революціонныхъ войнъ и въ эпоху Наполеона, задолго до этого времени уже упрочились въ суворовскихъ войскахъ. Если военное искусство заключается въ дѣйствіяхъ сообразно съ обстановкой вообще и со свойствами противника въ частности, то это именно и составляетъ характерную черту дѣйствій нашего великаго полководца.

Придавая большое значеніе нравственному элементу, Суворовъ вездѣ ставилъ духъ выше формы; свой духъ вносилъ онъ въ тактику, и вслѣдствіе этого самый обыкновенный тактическій пріемъ пріобрѣталъ въ его рукахъ нѣкоторую особенность, обличающую мастера.

Въ основу всего Суворовъ полагалъ единство дѣйствій и вслѣдствіе этого всегда стремился къ единству власти, которое наиболѣе обезпечиваетъ единство дѣйствій. Въ 1770 году, во время первой польской войны, когда командовавшимъ въ Польшѣ войсками генераломъ Веймарномъ было предложено Суворову дѣйствовать совмѣстно съ Древицемъ безъ подчиненія послѣдняго Суворову, то онъ характеризовалъ дѣло такъ: «Два хозяина въ одномъ дому быть не могутъ... въ противномъ случаѣ я отъ отвѣтственности свободенъ»... Суворовъ былъ молодъ, да и спорить приходилось только съ генераломъ Веймарномъ. Впослѣдствіи, въ 1799 г., въ Италіи борьба за единство власти старому Суворову оказалась уже не по силамъ, и австрійскій генералъ Меласъ (подъ видомъ завѣдывающаго административной частью) вмѣстѣ съ вѣнскимъ гофкригсратомъ сильно

мѣшали русскому полководцу ограниченіемъ его власти. Замѣчательный примѣръ по отношенію къ этому вопросу представляютъ дѣйствія Суворова въ 1774 г., во время первой турецкой войны при Екатеринѣ, передъ сраженіемъ при Козлуджѣ. Главнокомандующій Румянцевъ приказалъ отрядамъ Суворова и Каменскаго вторгнуться въ Турцію за Дунай по направленію къ Шумлѣ. Оба были въ чинѣ генералъ-поручика, но Каменскій старше. Румянцевъ предписалъ дѣйствовать отрядамъ совмѣстно, но не объединилъ власти прямымъ приказаніемъ; однако, по соединеніи отрядовъ, Суворовъ долженъ былъ подчиняться старшему, Каменскому. Этотъ «отвѣсъ списочнаго старшинства» не понравился Суворову, уже чувствовавшему свой талантъ, а потому онъ «двигался съ несвойственной ему медленностью», чтобы долѣе не соединяться съ Каменскимъ, но около Базарджика соединеніе это дѣлалось неизбѣжнымъ. Тогда Суворовъ быстрымъ маршемъ опередилъ отрядъ своего товарища и съ 8 тысячами разбилъ на голову 40 тысячную турецкую армію 9 Іюня при Козлуджѣ. Мы видимъ, что здѣсь Суворовъ для достиженія единства своей власти безъ какихъ бы то ни было ограниченій, не останавливается даже передъ нарушеніемъ дисциплины. Дальнѣйшій ходъ событій, до извѣстной степени, оправдалъ способъ дѣйствій Суворова. Разбитые при Козлуджѣ турки въ паническомъ страхѣ бѣжали въ Шумлу; разложеніе арміи было полное: одинъ солдатъ выстрѣлилъ въ своего главнокомандующаго съ цѣлью добыть коня для быстрѣйшаго бѣгства; въ крѣпости произошелъ настоящій бунтъ. Безъ большихъ усилій на плечахъ турокъ можно было ворваться въ Шумлу, но соединившійся съ Суворовымъ Каменскій остановилъ движеніе войскъ для пополненія продовольствія.

Въ 1789 г., во время второй турецкой войны при Екатеринѣ, Суворовъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ союзнымъ австрійскимъ отрядомъ принца Кобургскаго, старшаго въ чинѣ, взялъ, однако, починъ дѣйствій въ свои руки и увлекъ Кобургскаго къ Фокшанамъ. Достигъ этого русскій генералъ, уклонившись отъ свиданія со своимъ союзникомъ (извѣстный анекдотъ «Суворовъ молится», «Суворовъ спитъ») и пославши ему только категорическую диспозицію относительно предстоявшихъ дѣйствій. Объясненіе Суворова: «Мы бы все время провели въ преніяхъ дипломатическихъ, тактическихъ, энигматическихъ, меня бы загоняли, а непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ, разбивъ тактиковъ». Иронизируя надъ «тактиками», Суворовъ вовсе не желалъ выразить глумленіе надъ наукой, но только надъ педантизмомъ, который злоупотребляетъ наукой.

Передъ сраженіемъ подъ Рымникомъ въ томъ же 1789 году, Суворовъ не могъ уже избѣжать свиданія съ принцемъ Кобургскимъ, который вступилъ въ препирательства и признавалъ опаснымъ атаковать многочисленную турецкую армію. Выведенный изъ себя Суворовъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ атакуетъ турокъ съ одними русскими войсками, Кобургскому оставалось только идти вмѣстѣ съ Суворовымъ. Опять онъ захватилъ власть въ свои руки.

Точно также въ 1794 г., когда Суворовъ прибылъ на театръ

военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, онъ немедленно объединилъ власть въ своихъ рукахъ, предписавъ отрядамъ Дерфельдена и Ферзена дѣйствовать по его указаніямъ, хотя они подчинялись официально князю Рѣпнину. Въ этомъ случаѣ Суворовъ опирался на авторитетъ фельдмаршала Румянцева, пославшаго его въ Польшу, и надѣялся на поддержку императрицы Екатерины, цѣнившей Суворова и смотрѣвшей на вещи широко.

Напрасно думаютъ, что Суворовъ всегда дѣйствовалъ на проломъ, устремляясь впередъ, безъ оглядки назадъ. Тщательно разсматривая его операціи, мы видимъ, что онъ заботливо обезпечивалъ свой тылъ, внимательно относился къ мѣрамъ охраненія, которыя являются въ высшей степени поучительными. Въ 1770 г., въ Польшѣ, занимая съ небольшимъ отрядомъ люблинскій раіонъ, Суворовъ смѣло выдвинулъ отъ Люблина (своей «капитали» — по нынѣшнему отъ «основанія дѣйствій», «базы») охранительные посты на 50—80 верстъ; на Вислѣ были охранительные посты: у Сандомира (весьма важный пунктъ для дѣйствія на обоихъ берегахъ Вислы и Сана), Рахова, Пулавъ и Козеницъ (для дѣйствія къ Радому и въ раіонѣ Пилицы); на р. Вепржъ: у Коцка и Красностава, послѣдній для охраненія фланга тылового раіона; на югѣ, за лѣсами, — у Фрамполя и Красника предназначались для наблюденія за Замостьемъ и австрійской границею. Отдѣльные наблюдательные посты были выдвинуты по Бугу: къ Бялѣ (по направленію на Брестъ), Словатычи (по направленію на Пинскъ) и къ Сокалу (австрійская граница). По приказанію генерала Веймарна, Бяла и Словатычи были заняты 2 ротами, 5 эскадронами, $\frac{1}{2}$ сотнею и 2 орудіями; въ Коцкѣ была 1 рота, $^1/_2$ сотни и 1 орудіе; затѣмъ у Суворова оставалось всего 4 роты, команды егерей, 3 эскадрона и 5 орудій. Принимая во вниманіе, что Суворовъ хотѣлъ оставить въ Люблинѣ подвижной резервъ возможно болѣе сильный, на посты нельзя было выдѣлить много; самый важный постъ въ Сандомирѣ состоялъ изъ 200 человѣкъ, на другихъ было гораздо менѣе. Такимъ образомъ охранительные посты были слабы, но начальники ихъ воспитаны въ суворовской школѣ, и онъ на нихъ надѣялся, а главное разсчитывалъ на развѣдки, чтобы заранѣе узнать объ опасности. Для развѣдокъ отъ охранительныхъ постовъ высылались наблюдательные тоже верстъ на 40—80 и въ свою очередь высылали разъѣзды. Вотъ суворовская сѣть или, какъ онъ называлъ, «паутина», позволявшая ему быть въ безопасности и недопускавшая прорыва черезъ его участокъ. О дѣятельности постовъ Суворовъ говоритъ такъ: «Шпіоны дороговаты, командиры постовъ должны сами больше видѣть вдали безъ зрительной трубки».

Хотя иногда и выставляютъ Суворова противникомъ развѣдокъ («рекогносцировки! не хочу; онѣ годны только для трусовъ, чтобы предостеречь противника; а кто захочетъ, тотъ и безъ нихъ всегда отыщетъ непріятеля... Колонны, штыки, холодное оружіе, атаки, ударъ... вотъ мои рекогносцировки!»), но на самомъ дѣлѣ онъ самъ постоянно дѣятельно развѣдывалъ. Въ дѣлѣ подъ Ландсбергомъ въ первой половинѣ Сентября 1761 года подполковникъ Суворовъ является образцовымъ кавалерійскимъ развѣдчикомъ.

Во время семилѣтней войны въ тылу русской арміи Бутурлина въ Познанской области находился корпусъ прусской кавалеріи Платена. Чтобы слѣдить за нимъ и задержать его движеніе направленъ былъ изъ д. Букъ подполковникъ Суворовъ съ казачьимъ полкомъ Туровѣрова къ Ландсбергу, гдѣ приказано разрушить мостъ. Налетъ на Ландсбергъ приходилось сдѣлать въ срокъ почти невѣроятный, ибо противникъ былъ къ нему ближе, нежели Суворовъ. Тѣмъ не менѣе Суворовъ съ казаками успѣлъ предупредить непріятеля, разбилъ городскія ворота, ворвался въ Ландсбергъ, захватилъ въ плѣнъ 2 офицеровъ и 26 нижнихъ чиновъ, но основательно уничтожить мостъ не успѣлъ: подоспѣвшія значительныя силы Платена легко вытѣснили казачій полкъ. Суворовъ, однако, не отступилъ, но неотвязчиво сидѣлъ на плечахъ непріятеля, выслѣживалъ каждый его шагъ при движеніи на Берлинхенъ къ Бернштейну. Усиленный вскорѣ казачьимъ полкомъ Попова и гусарами Зорича, Суворовъ 15 Сентября, выбравъ удобную минуту, прорвалъ прусскіе форпосты, сбилъ 3 эскадрона, «гнавшись даже до фронта непріятеля», причемъ побито больше 100 чел., въ плѣнъ взяты артиллерійскій офицеръ, «который у Платена на ординарцахъ находился», 47 драгунъ, 23 гусара и около 50 лошадей. Такую работу небольшого коннаго отряда противъ цѣлаго кавалерійскаго корпуса можно поставить идеаломъ для дѣятельности современной намъ конницы.

9 Мая 1773 г. турки перешли отъ Туртукая на лѣвый берегъ Дуная и напали на передовые посты Суворова, но были отражены. Въ это время, пользуясь тревогою, Суворовъ произвелъ весьма удачную развѣдку (въ донесеніи пишетъ: «на берегу я плотно обозрѣлъ»), которою и воспользовался въ ту же ночь на 10 Мая во время поиска на Туртукай.

10 Сентября 1789 г., наканунѣ знаменитаго сраженія при Рымникѣ, русскій полководецъ лично произвелъ развѣдку расположенія непріятеля, для чего долженъ былъ влѣзть на дерево. Отсюда онъ разсмотрѣлъ три укрѣпленныхъ лагеря турокъ, оцѣнилъ ихъ значеніе и составилъ превосходный планъ боя, увѣнчавшагося полнымъ успѣхомъ.

11 Декабря 1790 г. Суворовъ взялъ штурмомъ Измаилъ. Предпріятіе было весьма трудное, а потому подготовка велась самая тщательная. Нѣсколько дней сряду производились развѣдки крѣпости. Самъ Суворовъ, въ сопровожденіи оберъ-квартирмейстера Лена и многихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ (дабы каждый ближе ознакомился съ подступами къ крѣпости), подъѣзжалъ къ Измаилу на ружейный выстрѣлъ, указывалъ пункты, на которые должны быть направлены колонны, гдѣ штурмовать, и какъ взаимно поддерживать одна другую. Сначала турки стрѣляли по свитѣ Суворова, но потомъ не считали ее, кажется, заслуживавшею вниманія.

24 Октября 1794 г. Суворовъ взялъ штурмомъ Прагу, предмѣстье Варшавы. Развѣдка была произведена съ большимъ вниманіемъ. Еще 18 Октября большое число русскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, подъ прикрытіемъ значительнаго кавалерійскаго отряда, произвели развѣдку укрѣпленій и ознакомились съ окружающей мѣ-

стностью. Поляки открыли огонь, чѣмъ ясно обозначили свое положеніе, но на вылазку не рѣшались. Вечеромъ 22 Октября генералы вновь произвели развѣдку, причемъ путь указывали исправлявшій должность генералъ-квартирмейстера подполковникъ Ивашевъ и инженерный квартирмейстеръ маіоръ Глуховъ. 23 Октября Суворовъ лично со свитой произвелъ развѣдку Праги и назначилъ штурмъ въ ту-же ночь 24 Октября.

4 Августа 1799 г. въ Италіи при Нови Суворовъ на голову разбилъ французскую армію генерала Жубера. Наканунѣ, 3 Августа, армія Суворова, въ ожиданіи нападенія непріятеля, выстроилась въ боевой порядокъ и стояла, составивъ ружья въ козлы, а самъ фельдмаршалъ съ утра выѣхалъ къ авангарду Багратіона; впереди линіи развернутыхъ баталіоновъ лежала въ хлѣбѣ густая цѣпь егерей. Суворовъ съ однимъ казакомъ отправился къ цѣпи для личной развѣдки непріятеля. Какъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ французскій генералъ С. Сиръ, французы легко узнали русскаго полководца по его оригинальному костюму: онъ былъ въ рубашкѣ и бѣломъ исподнемъ платьѣ. Французскіе ведеты открыли частый ружейный огонь. Окончивъ развѣдку, фельдмаршалъ отъѣхалъ назадъ и дѣятельно распоряжался приготовленіями къ предстоящему сраженію.

Марши Суворова вошли въ пословицу. Замѣчательные по быстротѣ, они всегда были умѣстны, соображены съ обстановкой, отсталыхъ, по большей части, не было. Такіе марши являлись вслѣдствіе ихъ превосходной организаціи опытнымъ вождемъ. Наибольшее значеніе онъ придавалъ быстротѣ, которая имѣетъ слѣдствіемъ внезапность, лучшій способъ подготовки атаки. Это превосходно выражено Суворовымъ: «штыки, быстрота, внезапность!... непріятель думаетъ, что мы за сто, за двѣсти верстъ; а ты, удвоивъ шагъ богатырскій, нагрянь быстро, внезапно. Непріятель поетъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля, а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову; рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуганъ тотъ побѣжденъ въ половину; у страха глаза большіе; одинъ за десятерыхъ покажется». Съ точки зрѣнія обыденныхъ понятій, марши всѣ были форсированными. Обыкновенный переходъ Суворовъ считалъ въ 4 мили (28 вер.), иногда же доводилъ форсировку до крайняго напряженія, такъ что многіе даже падали на пути отъ изнеможенія. Хотя отсталыхъ онъ вообще не любилъ, но, когда важенъ былъ выигрышъ времени, жертвовалъ второстепеннымъ (числомъ людей, силою) въ пользу главнаго (времени).

Указать точно правила суворовскихъ переходовъ—невозможно, потому что они разнообразились въ зависимости отъ обстановки. Переходы въ 1799 г. въ Италіи совершались обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Поднимались ночью; пройдя милю (7 вер.), привалъ часъ; еще миля—привалъ 4 часа, съ варкой каши, обѣдъ; затѣмъ дѣлали еще милю — часъ привала, и еще миля. Полагая на милю менѣе 2 часовъ, Суворовъ расчитывалъ въ 14 часовъ свободно дѣлать 28-верстный переходъ; выступая до разсвѣта, люди шли большею частью въ прохладное время дня, а полуденный зной при-

ходился на большой привалъ. Конечно, такое распредѣленіе было совершенно хорошо соображено съ обстановкою.

Въ предписаніи фельдмаршала Бельгарду отъ 20 (31) Мая 1799 г. для движенія отъ Комо къ Алессандріи такъ изображенъ порядокъ марша: «Идти имъ тѣмъ же порядкомъ, какой у меня давно уже заведенъ; а именно: кашевары съ мясомъ и котлами во вьюкахъ выступаютъ въ 12 часовъ ночи впередъ на двѣ мили (у меня весь суточный переходъ отъ 4—5 миль). Кашевары располагаются и варятъ. Войска поднимаются въ 3 часа ночи;—идутъ милю;—отдыхаютъ 1 часъ; потомъ опять одну милю и приходятъ къ своимъ котламъ; кушанье готово—вино тамъ (ни одного усталаго). Поѣвъ, отдыхаютъ до 4 часовъ пополудни, потомъ поднимаются и идутъ одну милю; съ часъ отдыхаютъ; — идутъ опять одну милю, такъ, что въ 9 часовъ вечера приходятъ въ лагерь; всѣ вьючныя лошади съ палатками были уже отправлены напередъ въ полдень; палатки поставлены; солдатъ подоспѣлъ и ложится отдыхать до 3 часовъ слѣдующаго утра; а тамъ снова походъ». Таковы общія правила, но отступленія отъ нихъ были постоянны. Часъ выступленія постоянно измѣнялся; чаще выступали до разсвѣта, но иногда при жарѣ отдыхали цѣлый день, а шли ночью, въ прохладное время, т.-е. выступленіе происходило вечеромъ; такъ было на переходѣ отъ Турина къ Алессандріи, войска все 31 Мая отъ 8 часовъ утра до 9 час. вечера отдыхали въ Асти.

На походѣ Суворовъ требовалъ порядка, конечно не педантическаго, и самъ наблюдалъ за движеніемъ, переѣзжая отъ головы колонны къ хвосту. По временамъ, обогнавъ войска, отъѣзжалъ онъ въ сторону отъ дороги, ложился гдѣ-нибудь въ кустахъ или за строеніями и высматривалъ проходившую колонну. Потомъ мгновенно садился на коня и неожиданно показывался передъ войсками. Появленіе его оживляло всю колонну, которая спѣшила подтянуться. Фельдмаршалъ ѣхалъ рядомъ съ солдатами, шутилъ съ ними, забавлялъ ихъ разными прибаутками; но если замѣчалъ безпорядокъ, то прежде всего доставалось командиру полка.

Суворовъ говорилъ: «голова хвоста не ждетъ» и саркастически добавлялъ «солдатъ не объѣдается». Примѣры быстрыхъ маршей можно привести изъ каждой кампаніи Суворова. Во время I-й польской войны въ 1769 г., съ 29-го Іюля до 10-го Августа, отъ Минска къ Лошицѣ, близъ Бреста, походъ въ 420 вер. былъ сдѣланъ въ 11 переходовъ безъ дневокъ, въ среднемъ почти по 39 верстъ въ сутки. Въ 1770 г. при движеніи къ Столовичамъ, гдѣ Суворовъ разбилъ на голову литовскаго короннаго гетмана Огинскаго, имѣвшаго четверное превосходство силъ, русскій отрядъ 3-го Сентября былъ въ Коцкѣ, 5-го въ Бялѣ, 12-го въ Несвижѣ, 13-го утромъ, въ Столовичахъ, т.-е. сдѣлалъ 300 верстъ въ 10 дней. Въ 1789 г. передъ Фокшанами, чтобы соединиться съ Кобургскимъ, Суворовъ 16-го Іюля выступилъ изъ Бырлада и черезъ 28 часовъ, сдѣлавъ 50 верстъ, пришелъ къ принцу Кобургскому въ Аджудъ; австрійцы были чрезвычайно удивлены такой быстротой. Въ 1799 году въ Италіи при движеніи отъ Алессандріи къ р. Тидонѣ на встрѣчу арміи

Макдональда съ вечера 4-го Іюня до утра 6-го Іюня, въ 36 часовъ, сдѣлано 80 верстъ при изнуряющей италіанской жарѣ.

Организація маршей Суворовымъ преисполнена поучительныхъ подробностей, а фланговый маршъ къ р. Павіи во второй половинѣ Апрѣля 1799 г. представляетъ замѣчательный образецъ.

Въ бою Суворовъ почти всегда предпочиталъ штыкъ пулѣ, атаку оборонѣ; послѣднюю вели активно. Ружейный огонь того времени былъ вообще слабъ и не мѣтокъ, а въ штыковомъ бою русскіе, вслѣдствіе своихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, имѣли огромное преимущество; отсюда Суворовская поговорка: «пуля дура, штыкъ молодецъ». Но это не значитъ, чтобы Суворовъ не придавалъ значенія огню. Напротивъ, въ то время, когда всюду обученіе стрѣльбѣ стояло крайне низко (отпускалось по 3 патрона), онъ требовалъ правильнаго обученія (заготовлялось по 30 патроновъ), скораго заряжанія, рѣдкаго и мѣткаго огня; виды стрѣльбы имъ упрощены. Что же касается штыка, то Суворову болѣе чѣмъ кому-либо принадлежитъ утвержденіе въ русской тактикѣ понятія о рѣшающемъ значеніи въ бою штыка, какъ при помощи указаній въ наставленіяхъ, такъ и кровавыми доказательствами на практикѣ.

Въ бою Суворовъ прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ формамъ строя изъ устава 1763 г., развитаго въ Румянцевскомъ «Обрядѣ службы». Основной строй — развернутый въ 3 шеренги (въ Италіи въ 1799 г.), хотя Румянцевъ уже ввелъ двухшереножный строй, но Суворовъ не признавалъ его преимуществъ; противъ турокъ, дѣйствовавшихъ въ конныхъ массахъ — каре, которыя онъ составлялъ изъ самыхъ мелкихъ частей, баталіонныя и даже ротныя, черезъ что боевой порядокъ пріобрѣталъ замѣчательную гибкость, удобопримѣнимость къ мѣстности. Принято думать, что колонны Суворовъ употреблялъ только противъ французовъ («мы пришли бить вѣтреныхъ, безбожныхъ, сумасбродныхъ французишковъ; они воюютъ колоннами, и мы будемъ ихъ бить колоннами»); на самомъ дѣлѣ колонны примѣнялись давно. Уже въ диспозиціи на 18-е Іюня 1773 года (2-й поискъ на Туртукай) указана атака до занятія хребта взводною колонною, «задніе напихивая на переднихъ» (вотъ откуда еще идетъ «подпираніе»). Со всѣми строями часто соединялся разсыпной строй изъ егерей или изъ полковыхъ стрѣлковъ. Дѣло въ томъ, что когда въ 1770 г. стрѣлки были выдѣлены въ егерскіе баталіоны и команды, у Суворова въ каждомъ полку были подготовлены свои стрѣлки. Изъ этого мы видимъ поучительное указаніе о томъ, что если спеціалисты извѣстнаго дѣла нужны, то они должны проникать во всѣ части арміи, связываться съ ними органически, а не быть выдѣляемы въ особыя команды.

Суворовъ видѣлъ залогъ успѣха не столько въ формѣ построенія, сколько въ энергіи атаки, потому онъ, больше всѣхъ другихъ начальниковъ, придерживался элементарныхъ формъ устава, но за то въ примѣненіи ихъ отступалъ тоже больше всѣхъ. Въ вѣкъ Екатерины въ этомъ не было ничего особеннаго, ибо допускалась и практиковалась многими широкая свобода отношенія къ формѣ и давался значительный просторъ частному почину. При Екатеринѣ твердо вѣрили въ петровское правило: «полки хороши бу-

дутъ отъ полковниковъ, а не отъ устава...» Павлу I пришлось систематически примѣнять весьма крутыя мѣры, чтобы добиться повсюду строгаго однообразія въ примѣненіи устава. Но даже онъ, отправляя Суворова въ Италію въ 1799 г., сказалъ: «веди войну, какъ хочешь», т.-е. разрѣшилъ свободу въ отступленіяхъ отъ устава. Допуская произволъ и разнообразіе въ формѣ строя, Суворовъ, однако, требовалъ всегда порядка въ какомъ бы ни было строѣ, «только вездѣ строй».

Пріемы наступленія были весьма просты. Съ приближеніемъ къ непріятелю, походныя колонны рядами перестраивались во взводныя на полныхъ дистанціяхъ; подходя подъ выстрѣлы, строили фронтъ захожденіемъ, и развернутые баталіоны становились въ 2 линіи съ небольшими интервалами; артиллерія—нѣсколько впереди и по флангамъ пѣхоты; кавалерія по-эскадронно или дивизіонно позади второй линіи пѣхоты или на ея флангахъ. Въ такомъ порядкѣ войска шли навстрѣчу непріятелю. Въ случаѣ наступленія послѣдняго слѣдовало, подпустивъ его подъ сильный картечный и ружейный огонь, въ свою очередь, двинуться въ штыки. Наступленіе производилось всей линіей съ барабаннымъ боемъ, музыкой и съ распущенными знаменами; подходя подъ картечный и ружейный огонь, войска бросались бѣгомъ, чтобы миновать черту дѣйствія картечи. Ударъ въ штыки производился бѣгомъ съ крикомъ «ура», причемъ вторая линія слѣдовала за первою въ 200 шагахъ. Кавалерія выжидала удобнаго случая броситься на фланги непріятеля. Лишь только послѣдній начиналъ колебаться или отступать, казаки высыпали впередъ, съ гикомъ и визгомъ обскакивали его съ тыла, преслѣдовали и забирали въ плѣнъ.

Если формы суворовскихъ построеній были взяты большею частью изъ тактики линейной, изъ 18-го столѣтія, то напротивъ, въ общемъ, его тактика носила характеръ нынѣшней тактики, глубокой. Во многихъ сраженіяхъ мы видимъ искусное пользованіе резервомъ, который именно и составляетъ отличительную черту тактики глубокой, сравнительно съ тактикой линейной. Образцово веденное сраженіе при Нови 4-го Августа 1799 г. совершенно проникнуто духомъ глубокой тактики. Суворовъ направилъ войска Края для ложной атаки лѣваго фланга французовъ, а главный ударъ нанесъ въ стратегическій ключъ позиціи—правый флангъ. Въ подготовительный періодъ сраженія,—пока разъяснялась обстановка, отвлекались на лѣвый флангъ непріятельскіе резервы отъ пункта главной атаки, сосредоточивались свои силы, — Суворовъ разыгрываетъ бой *послѣдовательно*: сначала атакуетъ Край (27 т.), потомъ вводится въ бой Багратіонъ (5700), Милорадовичъ (3700), Дерфельденъ (6100), чѣмъ главнокомандующій и протягиваетъ бой до тѣхъ поръ, пока не достигнуты всѣ указанные цѣли подготовительнаго періода. Когда же этотъ періодъ кончился, фельдмаршалъ двигаетъ впередъ Меласа и завершаетъ сраженіе *одновременнымъ* ударомъ всѣми имѣвшимися подъ рукой силами, что и привело къ побѣдѣ.

Такая тактика неизбѣжно требовала отъ исполнителей самостоятельности въ дѣйствіяхъ, и Суворовъ отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ требовалъ, кромѣ рѣшительности въ дѣйствіяхъ, еще и

частнаго почина, а потому такъ настойчиво и преслѣдовалъ «немогузнайство», какъ признакъ нерѣшительности и отсутствія почина.

Мы видимъ, что частный починъ появился вовсе не во время войны 1870 г. между нѣмцами и французами, а существовалъ въ русскихъ войскахъ уже давно. Слѣдующія, малоизвѣстныя, слова Суворова о частномъ починѣ весьма замѣчательны. «Мѣстный въ его близости по обстоятельствамъ лучше судитъ, нежели отдаленный: онъ проникаетъ въ ежечастныя перемѣны ихъ теченія и направляетъ свои поступки по правиламъ воинскимъ». «Я вправо, должно влѣво—меня не слушать. Я велѣлъ впередъ, *ты видишь*... не иди впередъ».

Признавая необходимость широкаго частнаго почина, Суворовъ въ 1770 г., во время 1-й польской войны, разрѣшалъ своимъ подчиненнымъ, находившимся въ отдѣлѣ, атаковать силы, въ 4 —5 разъ большія, но «съ разумомъ, искусствомъ и подъ отвѣтомъ».

Слѣдующій анекдотъ весьма характеренъ для иллюстраціи взглядовъ Суворова на частный починъ. Однажды во время маневровъ Суворовъ замѣтилъ, что баталіонъ, составлявшій резервъ, остается на мѣстѣ, когда боевая часть нуждалась въ помощи. «Что же ты не сикурсируешь?» спросилъ Суворовъ командира.—«Да я не получалъ приказанія отъ генерала». «Эхъ, братецъ! иди впередъ! генералъ убитъ: ты видишь—онъ ѣздитъ безъ головы».

Въ диспозиціи на 10-е Мая 1773 г. для перваго поиска на Туртукай, Суворовъ говоритъ, что каждый начальникъ, «вступя съ непріятелемъ въ дѣло (долженъ соблюдать) главныя правила и цѣль данной диспозиціи, въ перемѣнахъ, но для единой побѣды обстоятельствахъ и своимъ проницательнымъ окомъ благомудро всюду учреждать и способлять». По диспозиціи на 18-е Іюня 1773 г. для второго поиска на Туртукай «командиры частей колонны или раздѣленій ни о чемъ не докладываютъ, но дѣйствуютъ сами собою съ поспѣшностью и благоразуміемъ». Если затѣмъ Суворовъ жалуется, что полковникъ Батуринъ произвольнымъ движеніемъ «распоролъ диспозицію» и, образовавъ разрывъ боевого порядка, временно подвергъ отрядъ опасности, то въ этомъ нельзя видѣть противорѣчіе, ибо поступокъ Батурина не составляетъ проявленіе частнаго почина, а просто неправильное дѣйствіе, обнаруживающее въ дѣятелѣ непониманіе дѣла. Самъ Суворовъ проявилъ высшую степень частнаго почина, когда вопреки плану своего начальника Веймарна въ 1771 г, двинулся къ Сталовичамъ и на свой рискъ и страхъ разбилъ гетмана Огинскаго.

До конца Августа 1771 г. поведеніе Огинскаго было двусмысленно; оставалось неизвѣстнымъ собираетъ ли онъ войска на помощь русскимъ или противъ нихъ. 30 Августа Огинскій напалъ на русскую подвижную колонну Албычева, который былъ убитъ, а 500 чел. взято въ плѣнъ и быстро двинулся къ Несвижу. По инструкціи Веймарна, данной въ 1770 г., Суворовъ былъ обязанъ слѣдить за путями, служившими связью Литвы съ Волынью, т.-е. ведущими въ тылъ арміи Румянцева, которая находилась въ Молдавіи противъ турокъ. Видя, что теперь этимъ путямъ угрожаетъ опасность, Суворовъ немедленно двинулся изъ Люблина на встрѣчу Огинскому.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Въ то же время Веймарнъ поспѣшно отправилъ въ Люблинъ предписаніе съ планомъ дѣйствій противъ Огинскаго; по этому плану Суворовъ долженъ былъ оставаться на мѣстѣ, а дѣйствія противъ гетмана возлагались на Древица. Предписаніе Веймарна уже не застало Суворова въ Люблинѣ, но на маршѣ, въ Билѣ, онъ узналъ о немъ. Видя, что отрядъ Древица еще не готовъ, что времени упускать нельзя и что по обстоятельствамъ слѣдуетъ теперь же идти противъ литовцевъ, Суворовъ, вопреки предписанію начальника, не отказывается отъ своего намѣренія разбить Огинскаго, быстро, при помощи подводъ, продолжаетъ маршъ, а Веймарну доноситъ: «я буду стараться, не пропуская его, гетмана, въ тѣ мѣста (т.-е. къ Варшавѣ и Люблину), съ помощью Божьею упреждая всѣ его намѣренія и покушенія, его уничтожить». Ночью на 12-е Сентября Суворовъ менѣе нежели съ 1.000 человѣкъ (6 ротъ, 3 эскадрона, 1 сотня и 2 орудія) подошелъ къ Столовичамъ, гдѣ расположился Огинскій съ 4.000 своихъ и коронныхъ литовскихъ войскъ. Авангардъ составляла гвардія Огинскаго и занимала Столовичи; гетманъ былъ тутъ же въ господскомъ домѣ.

Главныя силы литовцевъ стояли лагеремъ за мѣстечкомъ, а коронная конница Бѣляка, до 1.000 коней, еще далѣе за нѣсколько верстъ. На разсвѣтѣ 12 Сентября русскіе разъѣзды сняли польскій уланскій пикетъ изъ 4-хъ человѣкъ, въ полномъ его составѣ. Плѣнные послужили проводниками русскому отряду, но ночная темнота не позволяла отчетливо распознаться на мѣстности; было только очевиднымъ, что непріятель не ожидаетъ нападенія и безпечно расположенъ на ночлегѣ; шли по свѣту въ окнахъ монастыря.

Суворовъ быстро прошелъ плотину и ворвался въ Столовичи, въ разрѣзъ между авангардомъ и главнымъ лагеремъ. Гвардія Огинскаго, застигнутая врасплохъ, оказала, однако, сопротивленіе, и загорѣлся довольно упорный уличный бой, въ которомъ поляки скоро понесли рѣшительное пораженіе; бѣглецы прибыли съ этой вѣстью въ главный лагерь. Русскіе плѣнные отряда Албычева были освобождены. Суворовъ рѣшился тотчасъ же атаковать главныя силы литовцевъ, но на этотъ разъ съ извѣстною выдержкою, ибо все равно внезапностью воспользоваться было нельзя. Между тѣмъ молодыя войска Огинскаго, конечно, должны были оказаться весьма впечатлительными къ артиллерійскому огню. Поэтому Суворовъ предварительно ихъ обстрѣлялъ, а затѣмъ уже перешелъ въ рѣшительное наступленіе и на-голову разбилъ непріятеля. Въ 11 часовъ утра все дѣло было кончено и только тогда появилась конница Бѣляка, который былъ отбитъ и счелъ болѣе благоразумнымъ немедленно отступить. Огинскій, считая все дѣло проиграннымъ, бѣжалъ за границу (Кенигсбергъ), Суворовъ вернулся къ Люблину, Веймарнъ былъ въ сильномъ негодованіи, императрица Екатерина II пожаловала генералъ-маіору Суворову орденъ Св. Александра Невскаго.

Замыселъ Суворова въ различныхъ данныхъ имъ сраженіяхъ до крайней степени разнообразенъ. Подъ Кинбурномъ 1-го Октября 1787 г., когда его пѣхота заняла все пространство поперекъ косы и атаковала съ фронта, конница двинулась моремъ, по водѣ, для

удара во флангъ и тылъ туркамъ, въ то же время онъ получаетъ содѣйствіе отъ артиллеріи крѣпости (опирается на нее), а мичманъ Ломбардъ съ галерой «Десна» весьма дѣйствительнымъ образомъ содѣйствуетъ успѣху сраженія. Какая изумительная комбинація самыхъ различныхъ средствъ и притомъ совершенно естественнымъ способомъ, неоспоримо сообразно съ обстановкой!

16-го Апрѣля 1799 г. въ Италіи при форсированіи линіи рѣки Адды, за которой Моро растянулся на 100 верстъ, Суворовъ прорываетъ *центръ* растянутаго расположенія противника съ охватомъ его лѣваго фланга, а именно: прорывъ центра возложенъ былъ у Кассано на Меласа (дивизіи Фрёлиха и Кайма)—13 т. и у Треццо на дивизіи Отта и Цопфа съ казаками Денисова—11.500, всего 24.000; охватъ лѣваго фланга поручался Вукасовичу у Бривіо—7 т.; демонстраціи производились войсками Секендорфа у Лоди—1.500 и Гогенцоллерна у Пичигетоне—5 т.

На р. Треббіи 7-го и 8-го Іюня 1799 г. направляетъ главный ударъ на *лѣвый флангъ* арміи Макдональда, имѣвшій для непріятеля важное стратегическое значеніе: отсюда отходилъ его путь отступленія въ Тоскану, откуда онъ пришелъ: отсюда шелъ путь по долинѣ Треббіи въ Ривьеру на соединеніе съ арміей Моро; наконецъ, при успѣшномъ ударѣ на лѣвый флангъ французовъ Суворовъ могъ припереть ихъ къ р. По. И дѣйствительно, по плану Суворова противъ лѣваго фланга Макдональда направлялись русскія дивизіи Повало-Швейковскаго съ авангардомъ Багратіона и Ферстера, за которыми приказано слѣдовать австрійской дивизіи Фрёлиха, всего 26 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и 3 казачьихъ полка, т.-е. болѣе $^3/_4$ арміи, и только австрійская дивизія Отта ($6^1/_2$ баталіона, 6 эскадроновъ и 1 казачій полкъ), или менѣе $^1/_4$ части арміи, послана противъ праваго фланга съ очевидною цѣлью развлеченія вниманія непріятеля, т.-е. для демонстраціи. Меласъ не могъ уяснить себѣ все величіе замысла полководца и по узкимъ разсчетамъ удержалъ дивизію Фрёлиха, т.-е. общій резервъ, при себѣ у колонны Отта: поэтому вмѣсто разгрома лѣваго фланга противника, а затѣмъ и всей его арміи, 7 Іюня вышло параллельное столкновеніе, отъ котораго, очевидно, и нельзя было ожидать рѣшительнаго результата. 8 Іюня повторилось то же самое: Меласъ опять удержалъ Фрёлиха и тѣмъ спасъ Макдональда, который хотя и былъ побѣжденъ, но успѣлъ уйти съ половиною арміи.

При Нови 4 Августа 1799 г. рѣшительная атака ведется противъ *праваго крыла* французскихъ войскъ Жубера, гдѣ проходили главные пути отступленія въ генуэзскую Ривьеру; наконецъ, подъ Рымникомъ 11 Сентября 1789 г. замыселъ поражаетъ своей оригинальностью, ибо наступленіе ведется уступами (головной уступъ—русскіе, а сзади, за лѣвымъ флангомъ, австрійцы) и приводитъ къ послѣдовательному пораженію турокъ по частямъ: сначала съ одними русскими войсками Суворовъ разсѣялъ турецкій лагерь у д. Тырюкукули и разгромилъ толпы непріятеля у лѣса Каяту; затѣмъ, вмѣстѣ съ австрійцами, опрокинулъ главныя силы у большого Крынгумейлорскаго лѣса; напрасно самъ визирь поднималъ коранъ и увѣщевалъ остановиться воиновъ, убѣгавшихъ въ паническомъ страхѣ,

напрасно даже выставилъ двѣ пушки, чтобы удержать ихъ своей собственной картечью;—толпы бѣжали къ д. Мартинешти, гдѣ ихъ добивали преслѣдовавшія войска Суворова.

Словомъ, у Суворова нѣтъ, какъ у многихъ другихъ полководцевъ, излюбленнаго пріема, и планъ одного сраженія совершенно не похожъ на какой-либо другой случай. Геній русскаго военачальника неистощимъ въ своемъ творчествѣ. Пожалуй, можно указать, что какъ подъ Рымникомъ, такъ и у Сталовичей, Суворовъ послѣдовательно бьетъ противника по частямъ, но сходство оказывается только въ результатахъ, пріемы же совершенно различны, потому что и обстановка всегда бываетъ различна.

Въ бою подъ Ланцкороной, 10-го Мая 1771 г., замыселъ оказывается еще болѣе оригинальнымъ. Французскій генералъ Дюмурье, занявшій съ отрядомъ польско-французскихъ войскъ позицію на гребнѣ, видя наступающую казачью лаву, воспретилъ до поры до времени стрѣлкамъ стрѣлять: онъ полагалъ воспользоваться яко бы безпорядочнымъ движеніемъ непріятеля, подпустить его на близкое разстояніе и тогда развить свой маневръ; но Дюмурье не принялъ въ соображеніе ни характера Суворова, ни свойствъ своихъ поляковъ, склонныхъ къ паникѣ. Казаки моментально сомкнулись и прорвали польскую цѣпь, которая въ ужасѣ, что непріятель находится уже на ихъ позиціи, бросилась бѣжать. Самъ Суворовъ съ гренадерами вслѣдъ за казаками бросился на французовъ и опрокинулъ весь отрядъ; дѣло кончилось въ $^1/_2$ часа, и Дюмурье не имѣлъ времени развить свой маневръ.

Хотя Суворовъ и стремился сосредоточить къ полю сраженія превосходное съ противникомъ число войскъ, возможно больше, однако его не смущали тѣ случаи, когда у непріятеля оказывалось гораздо больше силъ въ численномъ отношеніи. Крѣпость Измаилъ, имѣвшую 35 т. гарнизона, онъ штурмуетъ 11 Декабря 1790 г. съ 30 т.: на р. Тидонѣ 6 Іюня 1799 г. съ 15 т. онъ дерется противъ 22 т., а на Треббіи 8 Іюня съ 22 т. противъ 33 т.; подъ Сталовичами съ 1 т. бьетъ 4 т. противника; при Козлуджѣ 9 Іюня 1774 г. съ 8 т. бьетъ 40 т. турокъ; подъ Рымникомъ съ 25 т. (7 т. русскихъ и 18 т. австрійцевъ) идетъ противъ 100 т. и разбиваетъ ихъ на-голову. Когда его союзникъ принцъ Кобургскій, передъ сраженіемъ подъ Рымникомъ, указывалъ на численное превосходство турокъ, то Суворовъ возражалъ: «Все же ихъ не столько, чтобы заслонить намъ солнце».

Внезапность онъ считалъ лучшимъ способомъ подготовки атаки, но такъ какъ рѣдко можно разсчитывать захватить непріятеля совершенно врасплохъ, то выгодно уже и то положеніе, если непріятель успѣлъ менѣе изготовиться, нежели мы. Суворовъ и стремился всегда къ тому, «чтобы оставалось въ запасѣ нѣчто нечаянности». Въ 1773 г. 9 Мая турки отъ Туртукая перешли Дунай и напали на отрядъ Суворова у монастыря Негоешти. Русскіе отразили атаку, а Суворовъ, основательно полагая, что турки теперь не ждутъ нападенія, немедленно, въ ночь на 10 Мая, произвелъ съ своей стороны поискъ на Туртукай и разбилъ врага на-голову.

Подготовка успѣха сраженія велась у Суворова самымъ тщательнымъ образомъ и притомъ всѣми возможными способами. Стоитъ только внимательно прослѣдить подготовку штурмовъ Измаила (11 Декабря 1790 г.) и Праги (24 Октября 1794 г.), чтобы увидѣть, какъ опытный генералъ не упустилъ изъ вида даже ни одной мелочи. Напримѣръ, отправляясь къ Измаилу, Суворовъ изъ числа находившихся подъ Галацемъ войскъ направилъ къ крѣпости свой любимый Фанагорійскій гренадерскій полкъ, 200 казаковъ, 1.000 арнаутовъ [1]) и 150 охотниковъ Апшеронскаго мушкетерскаго полка, велѣлъ приготовить и отвезти туда 30 лѣстницъ и 1.000 фашинъ, туда же направилъ маркитантовъ съ продовольствіемъ. Немногіе дни, которыми Суворовъ располагалъ до приступа, были наполнены кипучей дѣятельностью: приготовлялись матеріалы, собирались свѣдѣнія рекогносцировками и черезъ шпіоновъ, возводились батареи, обучались войска; въ добавокъ къ привезеннымъ изъ-подъ Галаца были заготовлены еще 40 лѣстницъ и 2.000 большихъ фашинъ. Для обученія войскъ Суворовъ приказалъ въ сторонѣ вырыть ровъ и насыпать валъ, подобные измаильскимъ; сюда по ночамъ (чтобы не возбудить вниманія турокъ, да и штурмъ предполагался ночью) 8 и 9 Декабря высылались войска, и Суворовъ лично показывалъ пріемы эскалады и училъ дѣйствовать штыкомъ, причемъ фашины представляли турокъ.

Но еще больше стараній прилагалъ Суворовъ при подготовкѣ дѣла со стороны нравственной, конечно, гораздо болѣе важной, нежели сторона матеріальная. Передъ Измаиломъ онъ не скрывалъ отъ солдатъ трудностей предстоящаго штурма: «Видите ли эту крѣпость—стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ нужно взять ее. Матушка-Царица приказала, и мы должны ее слушаться». «Съ тобой навѣрное возьмемъ!» съ увлеченіемъ отвѣчали солдаты.

Въ ночь передъ штурмомъ Измаила Суворовъ пошелъ къ бивачнымъ огнямъ; офицеры и солдаты стояли вокругъ, грѣлись и разговаривали о предстоявшемъ важномъ событіи. «Какой полкъ?» подходя, спрашивалъ Суворовъ и, получивъ отвѣтъ, хвалилъ каждую часть особенно, припоминалъ минувшіе дни, когда онъ вмѣстѣ съ ними сражался въ Польшѣ, Турціи, подъ Кинбурномъ. «Славные люди, храбрые солдаты», —восклицалъ онъ,—«тогда они дѣлали чудеса, а сегодня превзойдутъ самихъ себя». И всѣхъ воспламеняли его слова, всѣ жаждали показать себя достойными похвалы.

Передъ боемъ Суворовъ обыкновенно отдавалъ приказы, воодушевляющіе и наставляющіе. Напримѣръ, вотъ отрывокъ изъ приказа передъ штурмомъ Праги:

«Когда пойдемъ, воинамъ идти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

Подошедъ къ укрѣпленію, кипуться впередъ быстро, по приказу кричать: ура!

---

[1]) Такъ назывались милиціонеры изъ молдаванъ, валаховъ и другихъ племенъ Балканскаго полуострова, поступавшіе по найму на русскую службу.

Подошли ко рву,—ни секунды не медля бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него, и ставь къ валу лѣстницы; охотники стрѣляй врага по головамъ.—Шибко, скоро, пара за парой лѣзь!—Коротка лѣстница? штыкъ въ валъ, -лѣзь по немъ другой, третій. Товарищъ товарища обороняй! Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля -и мгновенно стройся за валомъ.

Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, скоро, храбро, по-Русски! Держаться своихъ, въ середину; отъ начальниковъ не отставать.—Вездѣ фронтъ.

Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать.

Кого изъ насъ убьютъ, — Царство Небесное, живымъ -слава! слава! слава!»

А вотъ приказъ передъ боемъ на Треббіи.

«Непріятельскую армію взять въ полонъ.

Вліять твердо въ армію, что ихъ 27.000, изъ коихъ только 7.000 французовъ, а прочіе всякой сборъ реквизіонеровъ.

Казаки колоть будутъ, но жестоко бы слушали, когда французы кричать будутъ *пардонъ*, или бить *шамадъ*.

Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать *балезармъ*, *пардонъ*, *жетезармъ* и симъ пользуясь, кавалерію жестоко рубить, а на батареи быстро пускаться, что особливо внушить...

Изъ генераловъ, особливо казаки и прочіе, примѣчаютъ по кучкамъ около ихъ; кричать *пардонъ*, а ежели не сдаются, убивать.

Суворовъ».

Алессандрія 5 (16) Іюня 1799 г.

Въ 1799 г. въ Италіи, послѣ того какъ Суворовъ уже одержалъ свои знаменитыя побѣды надъ Моро на р. Аддѣ и надъ Макдональдомъ на р. Треббіи, прибылъ вновь на подкрѣпленіе русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Ребиндера. Суворовъ произвелъ войскамъ смотръ около г. Пьяченцы.

Приведемъ въ извлеченіи описаніе смотра изъ «разсказовъ стараго воина» (стр. 143—146). «Всѣ ожидали непобѣдимаго и съ нетерпѣніемъ смотрѣли въ ту сторону, откуда онъ долженъ былъ ѣхать. Стѣны г. Пьяченцы покрыты были сплошною толпою горожанъ и раненыхъ французовъ. И вотъ пыль столбомъ на пути—и вотъ онъ, отецъ нашъ Александръ Васильевичъ! Онъ прямо и шибко ѣхалъ къ намъ верхомъ на лошади, окруженный многочисленною свитою. Если бы не святая дисциплина, удерживавшая въ рядахъ строя ратниковъ, -то все войско кинулось бы къ нему навстрѣчу. И вотъ онъ подъѣхалъ къ серединѣ корпуса, остановился, взглянулъ своимъ орлинымъ взоромъ, — громко сказалъ: «здравствуйте

братцы! чудо-богатыри! —старые товарищи!—здравствуйте!!» И отвѣтъ ратниковъ, какъ сильная буря, вырвавшись изъ ущелья горъ, какъ раскатъ грома, огласилъ окрестности: «здравіе желаемъ, отецъ-батюшка!» Наконецъ голосъ ратниковъ: «ура!» покрылъ все. Александръ Васильевичъ шибко проѣхалъ по линіи войскъ, привѣтствуя ихъ: «здравствуйте, чудо-богатыри! Русскіе! Братцы! Здравствуйте!» И тогда то приказалъ начать примѣрное сраженіе по методѣ его, бывшей при матушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Примѣръ сраженія продолжался не болѣе часу. Натискъ и ударъ въ штыки были единственнымъ маневромъ. По окончаніи этого, корпусъ войскъ прошелъ взводами мимо Александра Васильевича.

Войска остановились въ колоннахъ. Александръ Васильевичъ пріѣхалъ къ нимъ, и прямо къ полку Ребиндера. Всѣ полки и баталіоны сомкнулись густо, и сблизились къ мѣсту, гдѣ былъ непобѣдимый. Говорилъ рѣчь войскамъ о побѣдахъ надъ французами, и рѣчь его была коротка; помянулъ о побѣдахъ давно бывшихъ надъ врагами, и въ заключеніе сказалъ: «побьемъ французовъ-безбожниковъ! Въ Парижѣ возстановимъ попрежнему вѣру въ Бога милостиваго; очистимъ беззаконіе!... Возстановимъ короля! Сослужимъ службу царскую—и намъ честь! и намъ слава! — Братцы! вы богатыри!... непріятель отъ васъ дрожитъ! Вы Русскіе»!... И крикъ десяти тысячъ ратниковъ: «ради стараться!.. Веди насъ, отецъ нашъ, готовы радостно!... веди, веди, веди!... ура!!» огласилъ окрестности Пьяченцы.

Александръ Васильевичъ поѣхалъ отъ насъ, и вслѣдъ за нимъ начальники полковъ и баталіоновъ повели старыхъ его знакомыхъ ратниковъ. О! какъ радостны возвратились къ намъ наши старики, и чего они не говорили намъ!... Ихъ было человѣкъ около полусотни, и почти всѣхъ по именамъ зналъ Александръ Васильевичъ; и всѣ съ нимъ были въ Крыму, на Кубани, на Прутѣ, при Рымникѣ, на Дунаѣ и въ Польшѣ; и со всѣми онъ говорилъ, и всякому далъ свое слово ласковое. Послѣ того онъ сказать изволилъ: «прощайте, братцы, покудова! увидимся!... Кланяйтесь отъ меня всѣмъ, всѣмъ чудо-богатырямъ!—Помилуй Богъ!.. мы Русскіе!!»... И всякому по выходѣ отъ него, по его волѣ, дано въ руки по кронъ-талеру».

Военные совѣты Суворовъ собиралъ, но разумѣется не для того, чтобы получить совѣтъ, а чтобы влить въ своихъ помощниковъ ту энергію, которая была необходима для предстоявшаго труднаго подвига. Таковы военные совѣты передъ штурмомъ Измаила, въ Швейцаріи въ Муттенталѣ.

Предлагая на обсужденіе вопросъ о покореніи Измаила, Суворовъ сказалъ: «Два раза Русскіе подходили къ Измаилу и—два раза отступали они; теперь, въ третій разъ, остается намъ только—взять городъ, либо умереть. Правда, что затрудненія велики: крѣпость сильна, гарнизонъ цѣлая армія, но ничто не устоитъ противъ русскаго оружія. Мы сильны и увѣрены въ себѣ. Напрасно Турки считаютъ себя безопасными за своими стѣнами. Мы покажемъ имъ, что наши воины и тамъ найдутъ ихъ. Отступленіе отъ Измаила могло бы подавить духъ нашихъ войскъ и возбудить на-

дежды Турокъ и союзниковъ ихъ. Если же мы покоримъ Измаилъ — кто осмѣлится противостать намъ? Я рѣшился овладѣть этою крѣпостью, либо погибнуть подъ ея стѣнами? Эта рѣчь возбудила восторгъ среди собранія. Казакъ Платовъ, которому, какъ младшему въ совѣтѣ, слѣдовало первому подать голосъ, громко сказалъ: «штурмъ»! Всѣ остальные къ нему присоединились. Суворовъ бросился на шею Платову, а затѣмъ перецѣловалъ всѣхъ поочереди и сказалъ: «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра—побѣда, либо славная смерть»... Участь Измаила была рѣшена.

Въ Сентябрѣ 1799 г., когда русскій корпусъ Римскаго-Корсакова былъ разбитъ при Цюрихѣ, Суворовъ оставался въ Мутенской долинѣ одинъ, окруженный непріятелемъ со всѣхъ сторонъ (со стороны Гларіса, Швица и Альтдорфа). Въ такихъ обстоятельствахъ фельдмаршалъ 18 Сентября собралъ у себя военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ и нѣкоторыхъ штабъ-офицеровъ.

Въ горячей рѣчи онъ изобразилъ коварство австрійцевъ и отчаянное положеніе русской арміи. «На Швицъ идти невозможно, отступать стыдно. Со времени дѣла на Прутѣ при Петрѣ Великомъ русскія войска никогда не находились въ такомъ положеніи, какъ нынѣ. Помощи намъ ждать не отъ кого... Мы на краю гибели»! Произнося эти тяжкія слова, русскій полководецъ едва могъ сдерживать порывъ своего негодованія, горести и волненія. Онъ былъ убитъ, растерзанъ; его скорбь отозвалась во всѣхъ присутствовавшихъ, у каждаго сжималось сердце. «Теперь,—прибавилъ фельдмаршалъ,—одна остается надежда на всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ! Мы русскіе! Съ нами Богъ!»... Какъ будто электрическая искра пробѣжала среди собранія. Придя въ какое-то восторженное состояніе, Суворовъ заключилъ: «Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего Императора!»... Съ этими словами онъ бросился къ ногамъ великаго князя и залился слезами. Константинъ Павловичъ въ смущеніи поднималъ старика, обнималъ его, цѣловалъ и, рыдая, не могъ произнести ни одного слова. Всѣ окружавшіе были приведены въ необычайное волненіе; никому не случалось видѣть Суворова въ такомъ разстроенномъ и встревоженномъ состояніи. Семидесятилѣтній полководецъ, испытанный въ тысячѣ опасностей, непреклонный до упрямства, всегда изумлявшій своею желѣзною силою воли,—теперь плакалъ отъ горя.

Генералъ Дерфельденъ, первый заговорилъ отъ всѣхъ; онъ ручался за неизмѣнную храбрость и безпрекословное самоотверженіе войска, готоваго безропотно идти всюду, куда поведетъ великій полководецъ. Когда Дерфельденъ кончилъ, всѣ въ одинъ голосъ, съ увлеченіемъ подтвердили его слова, клянясь именемъ Божіимъ, и не было у нихъ лести на языкѣ, ни обмана въ ихъ сердцѣ. Фельдмаршалъ оживился, глаза его заблистали, онъ почувствовалъ, что нравственная связь между предводителемъ и войсками скрѣплена, они теперь готовы на все, на самый чрезвычайный подвигъ. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на всѣхъ свѣтлымъ взглядомъ, поблагодарилъ и выразилъ твердую надежду, что «будетъ побѣда, двойная побѣда, и надъ непріятелемъ, и надъ коварствомъ». Тутъ же, не-

медленно были сдѣланы распоряженія о слѣдованіи къ Ларису, чтобы пробиваться черезъ непріятеля.

Несмотря на неоднократно высказанныя Суворовымъ насмѣшки надъ демонстраціями (ложныя атаки), этотъ способъ подготовки успѣха сраженія постоянно практиковался. Если Суворовъ говоритъ: «Демонстрація -игра юно-военныхъ; обыкновенно—онѣ—или пустыя, утруждающія войска, или наносящія имъ вредъ», то онъ здѣсь разумѣлъ демонстраціи, какъ самостоятельныя предпріятія, которыя въ его время нерѣдко предпринимались, чтобы выказать какую-нибудь дѣятельность и уклониться отъ настоящаго дѣла. Въ 1790 г. подъ Измаиломъ демонстрируютъ казаки Орлова и Платова, подъ Прагой—IV колонна Буксгевдена, шедшая противъ сѣверо-восточнаго угла пражскаго укрѣпленнаго лагеря, при движеніи къ Аддѣ фельдмаршалъ демонстрируетъ отрядомъ Гогенцоллерна; во время перехода черезъ Адду—отрядомъ Секендорфа противъ Лоди и Гогенцоллерна противъ Пичигетоне; въ третьемъ предположеніи для наступленія въ Ривьеру прямо говорится: «2) чтобы армія безпрестанными демонстраціями и рекогносцировками вводила непріятеля въ заблужденіе»; наконецъ, при Нови демонстрація производится сильнымъ корпусомъ Края. Правда, у Суворова демонстрирующія части не знаютъ, что онѣ демонстрируютъ, и работаютъ съ такой же энергіей, какъ и другія, оттого и приносятъ огромную пользу. Подъ Измаиломъ плохо вооруженные казаки жестоко потерпѣли во время штурма, подъ Прагой колоннѣ Буксгевдена пришлось труднѣе всѣхъ, а при Нови Суворовъ такъ искусно замаскировалъ свой планъ, что Край даже послѣ сраженія полагалъ, что онъ велъ главную атаку, а не демонстрировалъ.

Подготовка артиллерійскимъ огнемъ велась Суворовымъ весьма дѣятельно и сообразно со свойствами артиллеріи того времени. Оригинально приказаніе Суворова относительно дѣйствія артиллеріи подъ Измаиломъ: артиллерія должна была стрѣлять по крѣпости цѣлый день 10 Декабря наканунѣ штурма, а когда пѣхота пойдетъ на приступъ, великій сердцевѣдъ приказалъ продолжать огонь «пустыми выстрѣлами» (холостыми зарядами).

Съ началомъ боя войска не выходятъ изъ рукъ Суворова, напротивъ, онъ постоянно ими управляетъ, чему можно было бы привести много осязательныхъ примѣровъ. Подъ Рымникомъ, послѣ разгрома турецкаго лагеря у д. Тыргокукули, Стародубовскіе и Рязанскіе карабинеры увлеклись преслѣдованіемъ разбитаго врага, но Суворовъ вернулъ ихъ, такъ какъ имъ еще много предстояло дѣла въ только что начинавшемся серіозномъ боѣ у Крынгумейлорскаго лѣса. Въ томъ же сраженіи при атакѣ Тыргокукули Суворовъ самъ направляетъ каре изъ второй линіи для содѣйствія первой. Замѣчательно въ этомъ отношеніи приказаніе, отданное однажды Суворовымъ, доносить о ходѣ боя записками черезъ каждые 3 часа.

Личное вліяніе Суворова на войска было магическимъ, ибо множество неуловимыхъ нравственныхъ нитей связывали предводителя съ послѣднимъ солдатомъ его арміи. Солдаты смѣло вѣрили въ непобѣдимость своего генерала, и вѣра эта основывалась на не-

опровержимыхъ, всѣмъ извѣстныхъ фактахъ. Постоянная отеческая заботливость Суворова о солдатахъ вселила въ нихъ убѣжденіе, что безъ нужды ими не рискуютъ. Долговременное же близкое общеніе съ войсками наблюдательнаго полководца доставило ему основательное знакомство съ природою солдата, складомъ его понятій, процессомъ образованія его идей, даже предразсудками... И всѣмъ этимъ полководецъ искусно пользовался, ибо былъ великій военный психологъ. Суворовъ зналъ солдата, а солдатъ зналъ Суворова, потому что генералъ не только не чуждался, но, напротивъ, старался быть возможно ближе къ людямъ, постоянно вступалъ съ ними въ бесѣды и говорилъ такъ, какъ никто другой не могъ бы говорить: онъ владѣлъ краснорѣчіемъ особаго рода -каждое его слово шло прямо къ солдатскому сердцу.

Личное присутствіе Суворова, даже одно его имя, производило на войска чарующее дѣйствіе. Разсказываютъ, что въ одномъ изъ сраженій въ Италіи какая-то небольшая часть при частной неудачѣ, услышавъ сзади крикъ: «Суворовъ здѣсь!» рванулась впередъ и легла чуть не поголовно подъ губительнымъ огнемъ непріятеля. Фуксъ свидѣтельствуетъ, что во время боя при Треббіи онъ стоялъ на холмикѣ вмѣстѣ съ Дерфельденомъ и замѣчалъ, что какъ только появится Суворовъ въ своей бѣлой рубашкѣ тамъ, гдѣ войска приходили отъ неудачи въ разстройство, порядокъ возстановлялся тотчасъ же. Дерфельденъ объяснилъ Фуксу, что насмотрѣлся на подобныя явленія въ теченіе 35 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ Суворова; что этотъ непонятный чудакъ есть какой-то талисманъ, котораго довольно развозить по войскамъ и показывать, чтобы побѣда была обезпечена.

8-го іюня въ сраженіи при Треббіи Багратіонъ доложилъ Суворову, что войска его утомлены до крайности, что убыль дошла до половины, что ружья плохо стрѣляютъ отъ накопленія пороховой грязи. Суворовъ понесся къ войскамъ Багратіона. Лишь только солдаты увидѣли стараго фельдмаршала, совершилось чудо: все ожило, все пришло въ движеніе, ружья начали стрѣлять, забили барабаны, откуда взялись силы у людей, до сихъ поръ едва переводившихъ духъ! Французы сочли эти войска за свѣжія, вновь прибывшія.

Сила духа у Суворова была столь могущественна, что побороля неоднократно недостатокъ силъ физическихъ. Во время второго поиска на Туртукай Суворовъ, больной тифозной лихорадкой, не могъ стоять на ногахъ, его водили подъ руки; онъ потерялъ голосъ и говорилъ только шепотомъ,—голосистый офицеръ передавалъ его приказанія; и все-таки побѣда была одержана.

Кровопролитный штурмъ Праги потрясаетъ воображеніе, а между тѣмъ Суворовъ и его герои помощники, столь сильные духомъ, безтрепетные, были очень слабы тѣломъ. Суворовъ былъ совсѣмъ боленъ и писалъ въ день штурма Праги одному пріятелю, что «едва ноги таскаетъ»; Шевичъ страдалъ лихорадкой съ ежедневными пароксизмами; бригадиръ Поливановъ съ самаго выступленія изъ Бреста едва говорилъ, что не помѣшало ему подъ Пра-

гой врубиться первымъ въ непріятельскіе ряды: Исаевъ оставался на ногахъ съ пулей въ рукѣ, пронизавшей ему предварительно грудь; Ферзенъ перемогался нѣсколько дней черезъ силу. Имѣя въ самомъ себѣ неисчерпаемый запасъ энергіи, Суворовъ умѣлъ вливать ее и въ подчиненныхъ. Понятно послѣ этого, что всѣ дѣйствія Суворова были запечатлѣны необычайной энергіей. Онъ такъ и пишетъ въ диспозиціи для поиска на Туртукай 10-го Мая 1773 г.: «Атака будетъ ночью съ храбростью и фуріею россійскихъ солдатъ». Въ его правилахъ постоянно напоминается: «въ атакѣ не задерживай». Трусость, отсутствіе настоящей воинской доблести приводили его въ страшное негодованіе. 7-го Іюня 1773 г., вслѣдствіе болѣзни Суворова, поискъ на Туртукай долженъ былъ произвести полковникъ Батуринъ. Однако условія производства поиска показались ему неблагопріятными, онъ проявилъ нерѣшительность, и поискъ не состоялся. Суворовъ пришелъ въ страшный гнѣвъ и писалъ Салтыкову: «Боже мой! когда подумаю, какая подлость, жилы рвутся...» Такъ оставить этого дѣла Суворовъ не могъ и загладилъ его побѣдоноснымъ поискомъ на Туртукай 18-го Іюня того же года.

Въ 1799 г. въ Италіи извѣстная операція Суворова по внутреннимъ линіямъ, отъ Алессандріи къ Треббіи противъ Макдональда и обратно противъ Моро, началась 4-го Іюня вечеромъ, а кончилась 15-го—утромъ, т.-е. продолжалась 10 дней, но въ это время было пройдено 220—240 верстъ и данъ трехдневный бой, законченный дѣятельнымъ преслѣдованіемъ также съ боемъ.

При дѣйствіяхъ противъ поляковъ (Дюмурье) Суворовъ въ 17 сутокъ прошелъ около 700 верстъ, т.-е. по 41 верстѣ въ сутки; форспированные марши постоянно перемежались боями; не проходило двухъ сутокъ безъ боя.

Вотъ какого напряженія могъ потребовать отъ войскъ Суворовъ! Онъ зналъ цѣну времени и умѣлъ пользоваться благопріятной минутой для атаки. «Фортуна», пишетъ онъ, «имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные, висящіе власы. Летъ ея молніинъ: не схвати за власы уже она не возвратится»... Въ другой разъ онъ говорилъ: «Деньги дороги, жизнь человѣческая еще дороже, а время дороже всего».

Всѣ роды оружія дѣйствуютъ у Суворова превосходно сами по себѣ и съ полнымъ самоотверженіемъ поддерживаютъ другъ друга: при этомъ онъ былъ мастеромъ въ употребленіи каждаго рода оружія. Употребленіе конницы на театрѣ войны и на полѣ сраженія весьма замѣчательно; она работала при всякой обстановкѣ. Хотя спѣшиваніе допускалось имъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, однако въ Польшѣ, сообразно съ свойствами мѣстности, приходилось спѣшиваться довольно часто. 15-го Октября 1794 г. при д. Кобылкѣ Суворовъ, несмотря на болотистую и пересѣченную мѣстность, атаковалъ поляковъ одной конницей, дравшейся преимущественно пѣшкомъ; только два баталіона егерей успѣли принять участіе въ концѣ боя. Особенно замѣчателенъ ударъ въ палаши и сабли спѣшенныхъ 4-хъ эскадроновъ Маріупольскаго легкоконнаго полка и 2 эскадроновъ Глуховскихъ карабинеръ. Это было сдѣлано такъ

удачно, что Суворовъ впослѣдствіи говорилъ одному французскому эмигранту, вступившему въ русскую службу: «Если бы ты былъ при Кобылкѣ, ты бы увидѣлъ то, чего и я никогда не видалъ».

Суворовъ такъ и требовалъ отъ конницы — «дѣйствовать всюду, какъ пѣхота, кромѣ зыби, когда кони на поводахъ».

Основной строй для конной атаки былъ развернутый по-эскадронно или по-дивизіонно, хотя допускались и колонны, если обстоятельства потребуютъ. Другіе военачальники того времени ставили конницу между пѣхотными каре, а Суворовъ ставитъ ее отдѣльно и требуетъ самостоятельныхъ дѣйствій; только въ видѣ исключенія иногда онъ придаетъ ей егерей.

Уставные типы, не свойственные конницѣ (напр. ретирада съ огнемъ изъ пистолетовъ), исключены, ибо не дозволялось даже «мыслить» о ненавистномъ отступленіи; «слухъ, взоры и души своихъ воиновъ предостерегалъ отъ всякаго вида отступленія». Тидона, Треббія, Рымникъ и пр. доказываютъ насколько глубоко понималъ Суворовъ свойства конницы и чего отъ нея можно потребовать.

Подъ Рымникомъ Суворовъ приказываетъ австрійской и русской конницѣ атаковать Крынгумейлорскій лѣсъ, усиленный окопами. Инымъ можетъ показаться страннымъ такое употребленіе конницы. На самомъ дѣлѣ оно было строго соображено съ обстановкой: лѣсъ былъ рѣдкій, свободно проходимый для конницы, окопы неоконченные, малой профили, а потому на коняхъ перескочить было легко; поэтому конница затрудненій встрѣтить не могла; зато, пользуясь своей быстротой, могла скоро пройти пространство, отдѣлявшее ее отъ турокъ, и понести при этомъ гораздо меньше потерь, чѣмъ медленно идущая пѣхота. Успѣхъ оправдалъ всѣ эти геніальныя соображенія Суворова.

Для характеристики примѣненія артиллеріи достаточно вспомнить указаніе великаго полководца «артиллерія скачетъ, какъ сама хочетъ» и выдвиженія ея на самыя близкія дистанціи при штурмѣ мѣстныхъ предметовъ. Напр. дѣйствія артиллеріи Волкова 21 Іюля 1789 г. при штурмѣ монастыря Св. Самуила въ сраженіи при Фокшанахъ или двухъ орудій, подвезенныхъ фанагорійцами къ воротамъ крѣпкаго хана (гостиницы) въ Измаилѣ 11 Декабря 1790 г.

Перечисливъ нѣкоторыя частности суворовской тактики, общую ея характеристику лучше всего сдѣлать его же словами, начертанными на перстнѣ, подаренномъ Милорадовичу: «глазомѣръ, быстрота, натискъ, побѣда».

При сравненіи Суворова съ другими полководцами слѣдуетъ отмѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не проявилъ энергіи, подобной энергіи Суворова, и никто кромѣ него не могъ вызвать отъ войскъ такого напряженія, такихъ усилій; потому-то образцовыя сраженія Суворова и были столь кровопролитны. Иностранные писатели всегда прежде относились къ Суворову нѣсколько свысока, можетъ быть потому, что не могли себѣ, должнымъ образомъ, уяснить его таланта. Подобныя замѣчанія мы встрѣчаемъ у Жомини, Дюма, Тьера, Штутергейма. Клаузевицъ, находя у Суворова много поучительнаго,

однако приходитъ къ заключенію, что у него нельзя «искать сильной военной логики». Только въ послѣднее время иностранцы начинаютъ воздавать Суворову по заслугамъ. Австріецъ Биндеръ-Кригльштейнъ пишетъ: «Мы смѣло съ полнымъ убѣжденіемъ признаемъ въ этомъ величественномъ отпрыскѣ славянскаго племени величайшаго полководца на ряду съ Фридрихомъ и Наполеономъ». Но неужели намъ всегда и во всемъ нужны иностранные авторитеты? Неужели изъ ряда дѣяній нашего русскаго полководца мы сами не можемъ постигнуть его великій геній и воздать должное памяти замѣчательнаго представителя русскаго народа?

Н. Орловъ.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ
ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

2007111436